

Посвящается
Сергею Павловичу
Урусевскому

Взлет

Хотя чествовали меня в Калуге, Москве и академиях наук, но истинный суд, истинную оценку личности делает не современное поколение, а будущие века.

К. Циолковский

...В грохоте свисте вое перепрыгивая через гнилые ступеньки вдруг озаряясь столбами солнечного света из круглых проемов человек с пушистым котенком в руках взбежал по узкой темной крутой винтовой лестнице старой полуразрушенной колокольни миновал площадку с колоколами (вспугнутые голуби шумно захлопали крыльями!) полез через сор паутину зияющие провалы еще выше выше выше... и вдруг вынырнул на ветхом деревянном балкончике на самом верху колокольни!.. Тяжело дыша, засунул котенка за пазуху, всей грудью вдохнул воздух, задрал голову в ослепительное небо — голову с курчавой светлой бородой, широко раскрытыми голубыми глазами, глядящими весело и кротко, — и — увидел — синь, солнце, облака... И, вглядываясь еще выше, — ослепительно тихо стало! — у в и д е л!..

Неслышно вспыхнуло название фильма... грянул хор!

И, опрокинувшись, камера вдруг увидела из страшной дали небольшой голубоватый шар... земной шар... Землю! Стремительно ринулась вниз — до облаков! морей! материков! вот уже до лесов! полей! до проселочной грязной дороги! до брички, ползущей по дороге!.. до глаз человека, сидящего в ней!

Глаза были удивительные, живые, смотрели весело и кротко из-под грубого балахона.

Скрипели неторопливо колеса...

Негромко, с улыбкой вспоминал человек:

— В 1880 году, сдав самоучкой экзамены на звание учителя арифметики и геометрии, ехал я на должность в небольшой русский город...

С любопытством вглядывается человек в открывшийся над рекой город: сады, лодки, колокольня над монастырской стеной.

— Нужно мне было снять квартиру... Это было нелегко и по

моей немалой глухоте и по недоверчивости жителей... Городок был крутой, староверческий.

Хмурые взгляды хозяев... Еще ворота... еще отказ... Дождь...
— К вечеру все-таки нашел квартиру... Въехал...

Медленно, бережно вешает Циолковский на стену дагеротипы родителей: чернобородый отец... веселый взгляд матери...

Шумит самовар, пьется чаек — неторопливо, из блюдец...

— Прошло так месяца два...— Это уже другой — нежный, девичий — голос звучит за кадром.— И как-то за обедом Костя заметил, что кроме хозяина за столом сидит его дочь: я, Варя, Варвара Евграфовна.

За самоваром булькающим, за хозяином, погруженным в газету, открылось вдруг лицо Вари, нежное, простое, с добрыми глазами...

Упала из рук Кости ржавая пружина, которую он незаметно разглядывал под столом...

И тут же забренчала балалайка, и лукавый голос певца и лихой хор грянули:

— Как струна-то загула, загула!

А дуда-то выговаривала:

Ой, жги! Ой, жги! Говори!

Пора молодцу женитьбу давать,

Холостому время свататься!

Ой, жги! Ой, жги! Говори!

Холостому время свататься!..

Смотрит Костя на Варю.

Смотрит Варя на Костю.

Долго-долго... как бы летя недвижно...

Упала пружина, забилась...

Закрыла лицо руками Варенька...

Папенька — газета упала! — моргал, ошеломленный, головой вертел — то на него, то на нее...

Церквушка была маленькая, уютная, летел сверху свет.

Старушки запели, пьяный дьякон весело подхватил:

— Гряди, гряди, голубица от Ливана!..

В белом платье со шлейфом, покрытая длинной фатой, растерянно глядя на Костю, Варенька прошла к амвону.

— Жена да убоится мужа своего!

Надели венцы... повели вокруг аналоя... выпили вина из одной чаши... обменялись кольцами...

И, за руки взявшись, припустили вдруг вприпрыжку из церкви!
С венчальной свечой в руке!

Сказочно великолепным, сияющим майским днем бегут они по лесу!

Смеясь, крича восторженное!

Фата за спиной, словно крылья!

Летят, летят по лесу новобрачные!.. по сказочной высокой траве, задыхаясь, сияя... летят, падают...

И вот перед ними — р е к а ... р е к а ... р е к а ...

— Там мост, пошли!— задыхаясь от бега, смеется Варенька.

— Мост? — Костя весело морщится.— Ну его! Лучше так!

— Как?— сияет, не понимает Варя.— Ну как?

— Да просто! Просто! Очень просто! Просто-просто!

И, сбегав к воде, весело оглянувшись на Варю, Костя ступил на воду, попробовал ее ногой, поежился, поднял ногу... шагнул!..

И—идут т и т р ы: кто написал, кто поставил, кто кого играет, кто директор и т. д. ...

И вот т и т р ы кончаются...

И, когда исчезает последняя надпись...

...Циолковский проваливается в воду!

Безумно кричит его жена Варя!

Костя беспомощно барахтается, скрывается под водой...

Скинув фату, Варя бросается в реку!

Жестокая, некрасивая, безнадежная борьба!

Пена крики удушья безумие уродство смерти животный страх брызги отчаяние мука!

Хрипло, страшно рыдая, из последних сил тащит жена мужа на грязный берег... Еще немного!.. Еще!..

Ей удастся вытащить его... упасть с ним рядом на песок... замереть, тяжело дыша, закрыть глаза... впасть в сон, обморок?..

А когда Варя медленно открывает глаза... ее муж сидит над ней на пригорке, весь облепленный тиной, смотрит задумчиво на реку...

И говорит:

— Сегодня не вышло...

И улыбается Варе — смущенно, кротко...

А солнце укоризненно бьет его в затылок...

И, смеясь, они снова берутся за руки... И снова бегут... Варя вдруг останавливается, с немим изумлением смотрит на мужа... на р е к у... Но он снова увлекает ее... Бегут они, сияя!..

Ступень первая:

СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Прошло десять лет

Смутно видны в темноте дагеротипы родителей.

Спит Варвара Евграфовна... Спят дети — мальчик и девочка.

В «святом» углу, загроможденном электрическими приборами, стоит рядом с киотом, за стеклом, венчальная свеча...

Спит на террасе отец жены, Евграф Николаевич.

Над ним по всей террасе подвешены воздушные шары и бумажные модели дирижаблей.

Бродят по двору куры. Сушится на веревках белье. Белым облаком стоят в саду вишни, яблони.

И целится в небо подзорная труба из окна мезонина...

Циолковский проснулся с первым лучом солнца, слез с верстака, служившего ему кроватью, подошел к окну мезонина, потянулся.

Чудесный вид открывался из окна: река блестела, темнел за ней лес, светилась белая ко л о к о л ь н я ...

Уже одетый, вылез Циолковский на плоскую крышу. Подставив ветерку поднятые руки, тихо напевая: «Ветер... нужен нам ветер!.. Хороший ветер!..» — Циолковский шевелил пальцами, улыбался...

Крыша была завалена множеством моделей дирижаблей из плотной белой бумаги и дерева... и стояло на крыше странное сооружение — прообраз аэродинамической трубы. Подставив очередную модель в «трубу с ветром», Циолковский начал передвигать рычажки... замерил... записал что-то, не переставая напевать...

Солнце поднималось... Запели птицы в саду...

И, обернувшись, Циолковский увидел:

...по соседней улице, взвалив на себя огромный письменный стол, два полицейских бегут к белому каменному дому вдалеке...

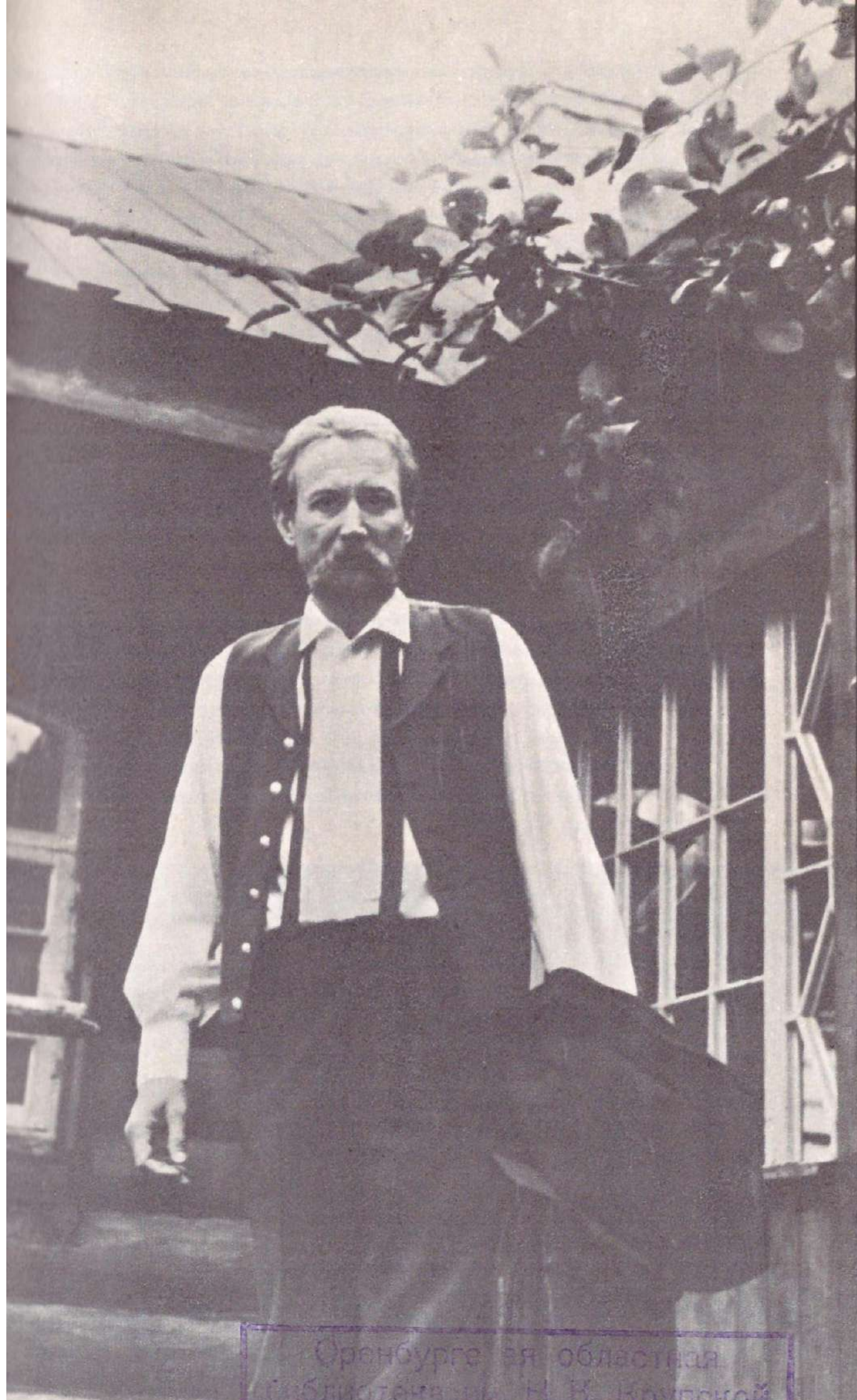
Усмехаясь, Циолковский спускается вниз, размышляет за кадром:

— Недавно полицмейстер издал приказ, чтобы в каждой полицейской будке на столе лежала книга и чтобы квартальные во время ночных обходов на ней расписывались. Квартальные, конечно, предпочитают ночью спать, и книги им приносили для росписи по утрам прямо домой. Полицеймейстер об этом узнал и приказал книги печатать к столам. И что же? Теперь они, значит, носят домой квартальному стол с книгой, чтобы начальство могло расписаться до утренней проверки...

— Опять столы тащат, Варя!.. — весело говорит Циолковский. — Я не могу понять, почему бы будочникам не таскать квартальных в будки прямо на кроватях...

Он собирает тетрадки, кладет их в портфель.

— Костя, садись есть! — говорит жена. — Кроме каши — ничего. Дети, к столу! Папа, завтракать!

Оренбурге в областная
Библиотека им. Н. В. Крупской

— Я не хочу,— торопливо проглядывая тетради, прижав к себе детей, бормочет Циолковский.— Я только чаю, Варенька.

За завтраком свекор поучает Игнатика не без ехидцы:

— Кашки зачерпывай побольше, а молочка поменьше... Молочко-то нынче шильцем хлебают! Поменьше бы твой папа на крыше торчал, побольше бы молочка было...

— Ясно...— кивает Циолковский.

— То-то, что ясно!— бормочет свекор. — Ладно, господь с тобой, Константин... Отгадай, Игнатик, загадку: что стоит возле чаю?

— Каша!— отвечает Любаша, облизывая ложку.

— И нет, торопыга!.. Возле чаю стоит воскресение мертвых, ибо в «Символе веры» сказано: «Чаю воскресения мертвых». Вот! А ты— каша!.. А вот еще загадка: когда вознесенье бывает в воскресенье? Не знаешь? Никогда!

— А почему?

— А потому, что вознесенье бывает в сороковой день после пасхи и потому всегда приходится на четверг... вот!

— Дедушка, а ты обещал вчера про ангелов рассказать. Кто они?

— Десять лет тебе, а ничего не знаешь! Лучше бы ты, Константин, детей Священному писанию учил, чем...

— Ой, я палец порезал!— Игнатик плачет.— Ой, больно!

— Не плачь, дитя, мы сейчас паутинкой... Ну-ка, Варя, дай паутинку!

— Какую паутинку!..— Циолковский бросается к сыну.— Я же объяснял, что нужно йодом заливать! Когда же это кончится, Евграф Николаевич! Где йод?!

— Йод твой весь куры выпили... да и не нужен он! Всю жизнь паутиной прикладывали, и все живы! Не нами начато, не нами кончилось! «Йод»!.. Давай руку, Игнатик!

Циолковский, беспомощно оглянувшись, бросает тетрадки в портфель.

— Варя, где очки?

— Вот!..— Варвара Евграфовна, улыбаясь, подает ему новые очки.— Новые тебе купила. Ты уж не сердись, Костя... Уж больно эти страшны...— Она показывает на старые очки — разбитые, с ниткой.

— Да зачем мне новые, Варя?— Циолковский в полном отчаянии.— Такие деньги! Чем старые-то плохи были! Ах, господи!— Он примеряет новые очки, снимает их.— Ой, Варя, смотри — дужки-то слишком длинные!.. Теперь ничего не сделаешь! Давай старые!

Но Игнатик выронил старые, и они окончательно разбились.

— Что теперь делать?— вздыхает Циолковский.— Придется так надеть!

И он надевает очки со слишком длинными дужками, перевернув их так, что дужки зацепляются за уши снизу.

Дети с восторгом хлопают в ладоши.

— Костя, да что ты!.. Люди-то что скажут!— всплескивает руками Варвара Евграфовна.

— Что-нибудь скажут...— улыбается Циолковский.— Например: если стоишь прямо, не бойся, что твоя тень крива.

— А так смешней, так лучше! — смеется Любочка.

— Папа, а тетка Матрена сказала — ты сумасшедший... правда?— тихо спрашивает Игнатик.

С усилием открыв калитку, Циолковский вышел на улицу — и прямо перед собой увидел человека!

Человек стоял перед ним, шатаясь и скрипя зубами, рваный и босой, в ссадинах и кровоподтеках, маленький, лысый и жалкий...

Человек этот был портной, и над его домом напротив была прибита корявая вывеска: два льва тащат штаны в разные стороны, и подпись под этим: «Хотя и разорвали, однако не по швам».

— Эдуардыч!.. Извиняйте, что босой... жена сапоги спрятала, сама к соседям убежала... Эдуардыч, я вам что-нибудь плохое сделал?

— Нет, Иван Васильевич, — кротко отвечал Циолковский.

— Убил я кого-нибудь, может?

— Нет, Иван Васильевич.

— Может быть, ограбил?

— Нет, что вы!

— Обидел вас?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать
в Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н. К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел. для справок: (3532) 77-08-50

